



Виктор Кожемяко

Время борьбы

«ИТРК»

Кожемяко В. С.

Время борьбы / В. С. Кожемяко — «ИТРК»,

«Время борьбы» – новая книга автора, известного журналиста, обозревателя газеты «Правда» Виктора Стефановича Кожемяко. Его предыдущая книга «Лица века» получила широкий резонанс в обществе и выдержала два издания. В настоящем издании в свойственной ему литературно-художественной форме бесед, очерков, статей, воспоминаний автор представляет лица, ставшие в своё время героями либо недругами отечества и наиболее ярко отражающие исторические переломные этапы жизни нашего народа. Издательство выражает уверенность, что и эта работа автора вызовет интерес у массового читателя.

© Кожемяко В. С.

© ИТРК

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	10
Свидетельствует мой отец	11
Мужицкая доля	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Кожемяко

Время борьбы

Лики героев и личины предателей – от начала прошлого века до наших дней

Посвящается 90-летию Великого Октября

Предисловие

Видя свет негасимый

Книга эта, которую я посвящаю памятной дате Великой Октябрьской социалистической революции, не художественное описание или научное исследование того, что произошло в моей стране 90 лет назад. Это – переключка времен за целый век, от предреволюционной поры до нынешних дней. Собственно о революции здесь не так уж много страниц. Но суть в том, что с нею неразрывно связана вся предшествовавшая и последующая жизнь нашего народа, то есть наше прошлое, настоящее и, осмелюсь сказать, будущее тоже.

За последние полтора десятилетия мы стали свидетелями яростных и изощренных усилий, направленных властями предержащими на искажение или просто-напросто уничтожение памяти Великого Октября. Сперва это ознаменовалось ельцинско-чубайсовской попыткой переименовать многолетний главный советский праздник в фарисейский «День согласия и примирения», а затем – путинско-сурковской отменой праздничного 7 ноября вообще. С иезуитской подстановкой иного праздника, тремя днями раньше. Таким образом, решили не только вычеркнуть из памяти народной великую историческую дату, но и столкнуть ее с другим, тоже великим событием отечественной истории.

Что ж, в указах, постановлениях и законах можно отменять всё, вплоть до восхода и захода солнца. Однако из песни, как известно, слова не выкинешь. А в исторической песне России, означающей ее судьбу, это слово настолько велико и влиятельно, свет его во всем мире так ярок, праведен и благоворен, что росчерком пера с ним не справиться.

Конечно, к одному росчерку всё далеко не свелось. Действует огромная пропагандистская машина, и, если чего-то ей удалось добиться, то самое горькое, по-моему, – это нынешнее представление многими моими соотечественниками русской, российской революции как дела антипатриотического. Потому и противопоставляют Минина с Пожарским Ленину со Сталиным. Или, что еще коварнее, Сталина противопоставляют Ленину. И, лицемерно отмечая годовщины военного парада, состоявшегося на Красной площади 7 ноября 1941 года, умалчивают, какой же дате, какому событию он был посвящен. А имя на Мавзолее старательно драпируют. Чтобы не резало глаз.

Но правда состоит в том, что именно с трибуны ленинского Мавзолея на параде, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, обратил Сталин к воинам Красной Армии и всему советскому народу исторические слова: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александр Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

* * *

Вы понимаете? Минин, Пожарский и Ленин – вместе, в одном ряду! Так было, и в этом величайшая сущностная правда нашей советской истории, победоносная сила ее.

Позволю себе одно личное воспоминание. В детстве, которое совпало с началом войны (мне было около семи лет, когда я услышал по радио те сталинские слова), подсознательно очень хотелось объединить всех своих любимых героев в общих боях. И вот, фантазируя в мечтах о схватках с врагами, в которых, разумеется, сам я участвую, придумал крепость и долговременную ее оборону, где мысленно собирал и дружинников Александра Невского, Дмитрия Донского, и ратников ополчения Минина и Пожарского, и гвардейцев Петра Первого, моряков Ушакова и Нахимова, суворовских чудо-богатырей. Были здесь также, сколь это ни покажется парадоксальным, вооруженные казаки и крестьяне под водительством Разина и Пугачёва, скакали конники Салавата Юлаева... А крепость у меня называлась – Революция.

Совершенно четко помню, что я долго искал название и перебирал разные, но остановился всё-таки на этом. Почему же? Почему именно оно стало в моем представлении наиболее обобщающим и позволило поставить рядом с дорогими моему детскому сердцу Чапаевым, Щорсом, Будённым и другими революционными героями не менее дорогих героев и полководцев совсем иных времен, весьма далеких, казалось бы, от времени Октябрьской революции?

Тогда это происходило подсознательно – задумался уже позднее, задним числом. И ответ приходил, например, тогда, когда в архиве ЦК ВЛКСМ, в записной книжке Зои Космодемьянской (предвоенной еще книжке!) я увидел вместе имена тех красных героев и строки лермонтовского «Бородино». Вместе они готовили к подвигу дух юной советской героини!

А соединяло их... Соединяло то, что и было в основе, в самом корне как нашей революции, так и характера народа нашего – понятие справедливости.

Пусть тогда, в детстве, я этого вполне еще не осознавал. Неважно. Я это чувствовал, что, пожалуй, не менее значимо. И такое чувство – чувство справедливости – мне было передано если не от рождения, то всем существом окружающей жизни и всеми книжками, которые я читал, начиная с наших русских народных сказок. Сказки, песни, былины, Пушкин и Гоголь, Некрасов и Толстой – всё это было о том, что нельзя обижать слабого, нельзя обирать бедного, нельзя унижать и оскорблять человека, поскольку он – человек, а люди все равны.

Тогда не добавлялось, конечно: равны перед Богом. Не звучало на школьных уроках имя Христа. Но дух-то Христов, дух справедливости, при безусловно, казалось бы, атеистическом воспитании воспринимался нами, причем как нечто самое жизненно основное. Потому что он был сутью всей нашей жизни советской, строившейся после Великого Октября.

Дух справедливости. Она, справедливость, – выше и дороже любых денег, любого богатства, выше всего на свете. И Советская Родина, за которую во время Великой Отечественной шли в бой наши солдаты, была воплощением справедливости. И Революция произошла во имя неё. Недаром же Александру Блоку, гениальному русскому поэту с обостренным чувством справедливости, увиделся во главе той внешне отталкивающей голытьбы, что составляла революционный строй (или «сброд»?), «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос».

Прочтем у другого русского гения – композитора Георгия Свиридова: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому – великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

* * *

Виден ли этот свет сегодня, по прошествии девяти десятилетий? Виден ли он не только позади, но и впереди?

Вопросы настолько важные, что, думается, и не может быть для нас ничего важнее.

О, какой мглой окутано за последние годы сознание многих и многих! В каком непроглядном, ядовитом, разъедающем очи болотном тумане приходится существовать! Вот и сдвинулся разум даже у тех, кто родился, учился, всю свою жизнь прожил при Советской власти и кому вроде бы излишне разъяснять ее достоинства.

Впрочем, любопытно следующее. Нынче не редкость встретить странную логику: человек может и признать, что многое в советское время было значительно лучше, нежели сейчас, однако всё это бесспорно лучшее никак не соединяется с Октябрьской революцией, которую тот же человек с чужих слов презрительно именует переворотом и проклинает как самое злое антироссийское зло.

Но ведь Советская власть не сама собой возникла. Она рождена Октябрьской революцией, и все блага, которые, пройдя через огромные преграды, страшные катаклизмы и мучительные испытания, в конце концов, дала народу, есть великие блага Великого Октября.

Да, теперь внушают, что и благ никаких не было, потому что не было, дескать, ста сортов колбасы, как в Швеции, или столько личных автомашин, как в Америке. И совсем не просто (пока еще не просто?) разъяснить многим простую истину, что было у нас зато нечто гораздо большее.

Было больше справедливости.

Ну как донести это до сознания, всецело поглощенного только лимузинами и колбасой?

Октябрьскую революцию клянут за лозунг «Грабь награбленное!», которого, кстати, у нее не было. Но если даже и в такой анархической форме происходила где-то «экспроприация экспроприаторов», всё равно хочется спросить: неужели это нравственно хуже, чем «Грабь заработанное!», что реализовали после своей так называемой августовской революции 1991 года пришедшие к власти руководители России?

Вот вернулись господа вместо товарищей. Хорошо? После Октября к господам в их роскошные и безразмерно большие хоромы подселяли людей из лачуг и подвалов. Нынче тех, кто оказался в нищете и не в силах платить за безумно подскочившее в цене жилье, вышвыривают из предоставленных Советской властью квартир.

Говорят, по Конституции у всех нас есть все гражданские права. Но главного права – на жизнь – у многих, оказывается, нет. Настоящее право на жизнь только у того, кто, как минимум, может теперь оплатить и квартиру, и нормальное питание, и дорогую операцию, и лекарства, не доступные для большинства.

В народе всегда считалось безнравственным, аморальным, совершенно недопустимым положение, когда у одного человека было всё, а у другого – ничего. И Советская власть такое не допускала.

Теперь это – норма, и эксплуатация человека человеком, искоренить которую ставил как главную задачу Великий Октябрь, вновь стала нормой. А фантастические богатства кучки нынешних олигархов, ограбивших народ, и нищета миллионов – пока лишь вынужденный повод власти время от времени поговорить «о сокращении слишком большого разрыва в доходах», глухо замалчивая коренную несправедливость жизнеустройства, в которую страна отброшена после ликвидации достижений социалистической революции.

* * *

Постоянные размышления обо всём этом побуждают меня сегодня к моей журналистской работе. Они же продиктовали необходимость подготовить эту книгу, которая, надеюсь, в чем-то вызовет актуальные размышления моих современников.

В книгу вошли очерки, статьи и беседы последнего пятнадцатилетия – конечно, только небольшая часть написанного за это время. Но изначально возникла у меня мысль обязательно включить сюда и страницы, принадлежащие не мне, а моему отцу. Сперва я хотел дать их в конце, в приложении, как некое дополнение к теперешнему своему взгляду на жизнь и людей. А затем, после раздумий и совета с редактором, принял иное решение: не завершить, а, наоборот, открыть ими книгу.

Отец, ушедший из жизни без малого двадцать лет назад, я уверен, не возразил бы. Что же касается читателей, думаю, они поймут, чем такое мое решение вызвано и согласятся с его правомерностью.

Говорят, всё познается в сравнении. Отцовские воспоминания о предреволюционной деревне такую возможность дают. Конечно, это воспоминания всего лишь одного человека, и претендовать на какую-то всесторонне полную картину хотя бы той же деревенской, крестьянской жизни во всей России перед Октябрем они не могут. Но – это, несомненно, честная память, за что я, зная своего отца, могу твердо ручаться. Стало быть, для меня (и для читателей) это такой жизненный документ, от которого вполне можно идти в размышлениях о революции. Помогает многое увидеть и понять.

Так, через эти оставленные отцом воспоминания понятнее становятся мне чаяния крестьян, изложенные ими в коллективных обращениях к Государственной думе периода первой русской революции. Анализ того огромного потока наказов, «приговоров» и петиций приводит в своей книге «Советская цивилизация» Сергей Георгиевич Кара-Мурза. И вот что в них самое главное.

Требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100 процентах обращений. Более половины – 59 процентов – требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, а 84 процента – введения прогрессивного подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяется всеобщее бесплатное образование – в 100 процентах крестьянских обращений.

Сопоставьте это с тем, что вы прочтете у отца, – о его страстной мечте учиться. Реальностью для него, как и для миллионов других крестьянских и рабочих детей, она станет только после Октября 1917-го.

Основные требования крестьян Октябрь осуществит. Начиная с ключевого: продажу земли запретить, а частную собственность на землю – отменить. Но вот 90 лет спустя мы видим, что Государственная дума, с гордостью провозглашающая себя правопреемницей Думы дореволюционной, голосами «партии власти» и ее приспешников всё вернула на круги своя. Наплевав на петиции, «приговоры» и наказания крестьян нынешних, на все их возмущения и протесты.

И разве не то же самое происходит с образованием, которое опять стремятся разделить на «элитарное» – для избранных и второсортное – для массы? Отец как величайшее потрясение пережил коварную хитрость, заложенную в программе «народной» начальной школы: оказывается, дальше пойти учиться с этими знаниями он не может. И, оказывается, специально всё было так устроено!

В упомянутой книге С. Кара-Мурзы я читаю, что сам царь Николай II лично был одержим идеей школы «двух коридоров», «селекцией» детей по сословным и материальным признакам. Октябрьская революция, создавшая родную для нас единую советскую школу, всё это

решительно отмела. Но теперь (под разными соусами и в разнообразных видах!) опять нам это возвращают. Чтобы хорошее образование было только для богатых.

Например, из более 500 государственных вузов России может остаться лишь 90 или даже 60. В новосозданных же частных при плате, доступной лишь «избранным», понятно, кому по карману будет учиться...

* * *

Да, время, в которое мы живем, стало временем отмены великих октябрьских завоеваний. Кому-то это уже абсолютно ясно, а кто-то от понимания еще очень далек. Что ж, надо таким помогать, если только они категорически не затыкают себе глаза и уши.

Для моего поколения время жизни резко разделилось надвое – советская эпоха и постсоветский, антисоветский развал. Развал не только экономики, но, что еще важнее, корневых наших духовных и нравственных ценностей. А это не могло не отразиться на людях.

Я хочу рассказать о времени – советском и антисоветском – через людей. Есть знаковые личности, такие как писатель Николай Островский или шахтер Алексей Стаханов – выходец из орловских крестьян, как прославленная героиня Зоя Космодемьянская или народный артист Евгений Самойлов. Есть люди не столь знаменитые, но тоже несущие в себе черты советской эпохи, и их я воспринимаю нынче как лики света.

А вот падение нравов в обществе, снижение уровня жизни у большинства граждан России в результате так называемой перестройки и катастрофических «реформ», когда уничтожение советского образа жизни стало главной, первоочередной задачей пришедших к власти мне представляется погружением во тьму. Не верю, что это будет продолжаться долго.

У большинства народа раскроются глаза, и люди вступят в борьбу за лучшую жизнь, пойдут за надёжными лидерами. Здесь, в книге, я представляю некоторых из них. Это лица борющейся моей партии – КПРФ.

За что она борется? За справедливость. За то, во имя чего 90 лет назад был совершен Великий Октябрь и ради чего почти семь с половиной героических десятилетий ярким светом сияла миру самая справедливая на Земле Советская социалистическая держава.

Ее свет не погас. Он будет (непременно будет!) обозначать человечеству верный путь в будущее, дабы жестоким капиталистическим самоистреблением не кончилась вся жизнь на прекрасной и хрупкой нашей планете.

Глава первая

Это было в начале двадцатого века

Трудно нынче, даже мысленно, перенестись на сто лет назад, когда в недрах российского общества вызревала великая революция. Трудно во всей полноте охватить ее движение и результаты.

В этой главе – лишь некоторые штрихи огромной темы. Но они должны помочь осмыслению нашего прошлого во имя будущего. Помочь опровержению вымыслов, искажений, целенаправленной клеветы.

Погрузившись в крестьянскую жизнь, какой реально была она в начале минувшего столетия, вы острее почувствуете и лучше поймете нараставшую боль несправедливости, которую несло в глубине души основное население тогдашней России. Вдумавшись затем в подлинную, а не «нарисованную» картину борьбы девятистолетней давности, точнее разберетесь, кто же губил и кто по-настоящему спасал Россию в годы революции, иностранной военной интервенции и Гражданской войны. А последующие признания наиболее честных противников Великого Октября тоже становятся весомыми аргументами в доказательство его правоты.

Свидетельствует мой отец

Итак, откроется эта глава воспоминаниями моего отца, и я должен представить их.

Прежде всего считаю нужным отметить, что писались воспоминания не для печати. Просто отец рассказывал время от времени что-нибудь из своей жизни, а мне это было интересно. Вот и упросил его, хотя бы частично, положить свои рассказы на бумагу. Как память детям, внукам и правнукам.

Взялся он за такую непривычную для него работу в очень преклонном уже возрасте, когда жить ему оставалось совсем немного. Но взялся, как я понял, с увлечением. И после его смерти в январе 1988 года осталась эта большая картонная папка, где сложены были 120 листов, исписанных убористым и четким, до боли родным почерком, который старость (а было отцу уж почти 90!) не разрушила и нисколько не исказила.

Правда, повествование свое, начатое в неторопливом, размеренном тоне, с массой подробностей и деталей, потом стал писать всё более и более бегло, но даже и так закончить не успел. Однако то, что успел, думается, заслуживает более широкого внимания, не ограниченного нашим семейным кругом. Ведь рассказывая об одной русской крестьянской семье, отец рассказывает и о многих других, ибо во многом судьбы их оказались схожи.

А тот факт, что писалось это не для газеты или журнала, вообще «не для публики», то есть, я считаю, вряд ли подвергалось какому-либо конъюнктурному саморедактированию, делает отцовские записки максимально достоверными и исторически ценными. Поэтому стоит предать их гласности, включив в современный разговор о дореволюционной, советской и сегодняшней России.

Выходит, разная она, «Россия, которую мы потеряли». Одна – в известном одноименном фильме Говорухина и другая – на страницах воспоминаний моего отца, не доверять которому я не могу. Собственно, потому и печатаю, что не сомневаюсь в правдивости.

И еще один есть существенный повод для публикации: целый ряд тем и вопросов в этих заметках представляется мне нынче необыкновенно злободневным.

Вот сейчас крайне остро стоит вопрос о земле. Вновь замаячило возвращение в русскую деревню помещиков; вновь происходит обезземеливание крестьянской массы под благовидным предлогом наделения ее правом частной собственности на землю и свободной купли-продажи; вновь реальной становится кабальная зависимость бедняка на селе. Воспоминания отцовского детства и юности способны, по-моему, напомнить людям, к чему мы возвращаемся, и вразумить: нынешнее «решение земельного вопроса» никак нельзя считать справедливым, а значит, и завершенным.

Всегда волновало меня особенное обстоятельство, что родился отец буквально в той точке, где сходятся Россия, Украина и Белоруссия. То есть он как бы воплощал в себе исконное, коренное родство и неразрывную общность Великой, Малой и Белой Руси, которую теперь стараются разорвать.

Да как можно! Право, это всё равно, что разорвать на части человека. Сначала я даже намеревался дать отцовским запискам такой заголовок: «Родом я брянский, черниговский, гомельский» (у него-то совсем просто – «Моя биография»). Попробуй действительно выделить в Стефане Георгиевиче Кожемяко великоросса, малоросса или белоруса. По паспорту да и по всей жизни – русский, а фамилия то ли украинская, то ли белорусская (как у Лукашенко). Говорил и писал только по-русски, но знал что-то и по-украински, и по-белорусски. Учился в Москве и Ленинграде, работал потом до конца жизни на Рязанщине и женился на рязанке Ксении Григорьевне Веселовой, моей матери. Но память всегда связывала его с местами, где свойственное трём славянским народам органически соединилось и переплелось. Так надо ли

сталкивать, противопоставлять одно другому, как делают это безответственные и корыстные политики?

Кстати, об имени отца. Поскольку его имя стало моим отчеством (Стефанович), меня иногда спрашивают: «Польское что-то?» На самом-то деле, конечно, был отец в своей деревне Степан, а не Стефан. Записали Степана Егоровича по-другому – Стефаном Георгиевичем в свидетельстве по окончании Николаевского начального народного училища, о чем сам он в этих воспоминаниях сообщает. Так потом в паспорт и пошло.

Учеба же и вообще весь труднейший, тернистый путь моего отца из крестьян в интеллигенты видится мне особенно актуальной на сегодня темой. Я бы сказал так: только Октябрьская революция и Советская власть дали ему, как и его братьям и сестрам, миллионам крестьянских детей, возможность учиться, получить среднее и высшее образование. И он, и моя мать, похожим путем ставшая учительницей, не были членами партии, но этот факт и многое другое, связанное именно с партией коммунистов и Советской властью, ценили очень высоко. Да и можно ли иначе? Впрочем, неблагодарных людей, как продемонстрировали последние годы, у нас оказалось многовато...

Уже в тридцать пять лет отцу удалось окончить Ленинградскую лесотехническую академию, и с тех пор он, инженер-лесовод, лесничий, занимался любимым делом – сажал и выращивал леса на рязанской земле, где родились я и мой брат.

Отец умер, малость не дожив до катастрофического развала страны. Иногда я даже думаю: слава Богу, что не увидел ничего этого! Последние его годы были спокойными, и, хотя пенсия, которую он получал, была невелика (как и у матери – не намного более 60 тех, полновесных советских рублей), но всегда заверял, что им вполне хватает и даже остается на сберкнижку. Так оно и было. А потом все эти их сбережения «сожрет» Гайдар...

Читайте фрагменты из записок отца – рядового, обыкновенного, «простого» русского человека – о времени и о себе. Я почти ничего не правил в них, лишь какие-то нечаянные стилистические огрехи, полностью сохраняя достоинства подлинного исторического документа.

Мужицкая доля Степан (Стефан) Кожемяко

КТО МЫ БЫЛИ

Родился я в конце девятнадцатого столетия – 15 августа 1898 года. Много времени прошло с тех пор. Величайшие события совершились за это время и в нашем краю, в нашем государстве.

Иногда я в шутку ребятам-первоклассникам задаю такую задачу:

«Я родился в XIX веке, а мой брат в XX веке. Насколько я старше своего брата?»

«На один век», – отвечают некоторые ребята.

Иначе говоря, прожито немало времени и пережито многое.

Моего возраста советские люди были активными участниками великих революционных событий, двух мировых войн (1914–1918 и 1941–1945 гг.). Даже не участвовавшие непосредственно в военных и революционных действиях граждане моего поколения являлись создателями, строителями новой советской жизни. Они переживали трудности восстановительных лет после революции, а также после страшных разрушительных войн.

Родители мои были потомственные крестьяне-земледельцы. Они всю жизнь трудились в нужде, в горе и страхе за свое существование. Они были неграмотные и не разбирались в законах общественного развития, в причинах их тяжелого, безрадостного бытия. Отец и мать родились уже после крепостного права, но хорошо знали своих родных и близких – очевидцев, переживших ужасы помещичье-крепостного права в России.

Еще при жизни родителей среди их односельчан были участники и исполнители крепостного режима в деревне, когда помещики-крепостники расправлялись с крестьянами, как с рабами. Издевались над ними. Продавали крестьян, меняли их, могли отдать в солдаты на пожизненную службу в царской армии.

Особенно жестоко расправлялись с крестьянами управители помещиков, вышедшие из самих же крестьян и поступившие на службу к помещику. Называли в наших местах этих помещичьих прислужников войтами.



В полной мере испытали на себе «мужицкую долю» мои предки – дедушка и бабушка по отцовской линии Егор Васильевич и Анастасия Денисовна Кожемяко.

Деды и прадеды мои были крепостными крестьянами. Никакой грамоты не знали. В нашей семье было девять человек: отец, мать, четыре сына и три дочери. Жили в селе большими семьями. Часто можно было встретить в одной семье несколько пожилых братьев со своими семьями и старых родителей. Вместе легче было справляться со всеми хозяйственными работами.

Здесь же можно сказать, что из всех членов большой семьи я первый начал учиться грамоте. Во всей нашей деревне из 25 дворов в то время было не более 10 человек грамотных.

В школьном возрасте мне пришлось увидеть в натуре помещиков – злейших врагов крестьян. Недалеко от нашей деревни расположились помещичьи имения: в Ларневске, в Лотках, в Грибовне и других местах.

Как правило, сами помещики жили в городах, а в имениях хозяйничали их управляющие. Вот эти помещичьи охранники жестоко расправлялись с крестьянскими ребятами, когда захватывали их в своих лесах и парках при сборе грибов и ягод. Охранники на оседланных лошадях с собаками разъезжали по лесу и наводили страх на ребят. Был и со мной такой случай в имении помещика Воробьева, когда мы с ребятами осмелились собирать чернику в помещичьем лесу.

Иногда мы в школьные годы ходили на заработки в Ларневское имение. Убирали сено, очищали стволы яблонь, снимали яблоки в саду и выполняли другие работы.

Вспоминаются также другие «приятные» встречи с живыми помещиками.

В целях охраны посевов от скота в каждой деревне при въезде и выезде устанавливались ворота. Для проезда по деревне нужно было ворота открыть, потом опять закрыть и ехать дальше. Проезжающему помещику не хотелось слезать с повозки, и вот он зовет мальчишек и приказывает открыть ворота. Ребята подбегают и быстро открывают, потом за ним опять закрывают ворота. Помещик доволен услугами ребят и в награду бросает на землю медную монету в несколько копеек. Ребята в драку, хватают монету и с радостью убегают. В дальнейшем они зорко смотрят вдаль за ворота – не появится ли вдали повозка с ездоком, чтобы не упустить случая заработать три копейки и на них купить кусок сахара.

В такой компании приходилось и мне участвовать неоднократно.

Как известно из истории, крепостное право в России было отменено не по милости царя-батюшки к мужику, а по экономическим соображениям государства.

Но, освобождая крестьян от крепостного права, царское правительство не обидело помещиков. Сам царь и его свита были самыми крупными землевладельцами. По желанию помещиков им были выделены участки наилучших земель, а землеустройством помещичьи земли были так расположены на территории сел и деревень, что затруднялось ведение хозяйства крестьянами. Так называемые «отрезки» отводились помещикам в центре крестьянских земель. Из-за этого развязалась непрерывная жестокая борьба крестьян с помещиками, а чаще с арендаторами «отрезков».

Ежегодно наша деревня по договору с арендатором отработывала ему за пользование «отрезками» под выпас скота. В школьном возрасте мне лично приходилось участвовать в отработке жителями нашей деревни арендатору за пастьбу скота на «отрезках».

В сложных и трудных условиях было крестьянское земледелие после отмены крепостного права. В таких условиях трудились и наша семья, и вся наша деревня, и крестьяне окружающих сел и деревень.

ГДЕ МЫ ЖИЛИ

Наша деревня Александровка (по местному – Слобода) расположена на территории Брянской области Красногорского района.

До революции относилась к Черниговской губернии, то есть к Украине.

После революции Красногорский район неоднократно переходил из одной области в другую. Некоторое время числился в составе Гомельской области (Белоруссия), потом Западной области (Смоленск), потом Орловской области.

И, наконец, в 1944 году была образована Брянская область, в которую включен Красногорский район.

В общем, получается, что родом я и брянский, и черниговский, и гомельский...

Многовековое общение русского, украинского и белорусского народов наложило свой отпечаток на культуру и быт населения нашего края. В процессе смешения языков и наречий образовалась местная специфическая разговорная речь, совсем не похожая ни на какую литературную.

Вот пример разговорной речи населения в те далекие, детские и юношеские мои годы:

«Лявон пашов в клеть, взяв пастоялку и скрбая яе прямо из глека». – «Левон пошел в амбар, взял крынку с молоком и начал есть прямо из крынки».

«Пятрок в лясу набрал целую кайстру абабков». – «Петр в лесу набрал целую сумку грибов».

«Ляксея вырастил в своем гароди дробниньскую бульбачку». – «Алексей вырастил в своем огороде мелкую картошку».

«Змитрок не любя есть цыбулю». – «Дмитрий не любит есть лук».

Видите, как переплелись и смешались языки – русский, белорусский, украинский...

КАК МЫ ЖИЛИ. ПИТАНИЕ

Описание уровня материальной жизни населения нашего края отношу примерно к 1900–1920 годам, то есть ко времени моей постоянной жизни и работы в тех местах.

Начну хотя бы с такой детали. Вся наша посуда в период моего детства состояла из следующих предметов: деревянная кадка для воды, деревянный черпак или железный, чугуны

разных размеров, горшки глиняные и миски, миски деревянные и ложки самодельные деревянные. Вилки совсем не применялись.

И вот кругом стола на лавках и скамейках садятся за стол человек 7–8 больших и малых членов семьи. На середину стола ставят большую миску со щами. Рядом миска с ломтями хлеба. Из одной миски все черпают щи по очереди. Из другой, тоже ложками или пятерней руки, берут мясо, хотя бывало оно, конечно, далеко не каждый день.

В дальнейшем нам удастся приобрести белые, как тогда говорилось, то есть алюминиевые тарелки и вилки с деревянными колодками, и начали привыкать есть каждый из своей тарелки. Это было уже «прогрессивное» нововведение в деревенском быту в начале XX века.

Считаю нужным особо отметить значение хлеба в питании сельского населения того далекого времени. Это был основной наш продукт. Воистину всему голова!

Прекрасно понимаю, почему столь много литературных произведений, замечательных стихов и песен посвящено хлебу и тем, кто его растил, – крестьянам-земледельцам.

Недаром в военное время (в первую мировую) у нас даже так говорили: «Без оружия еще воевать и победить можно, а без хлеба – нельзя».

Теперь расскажу о том, как трудился крестьянин-земледелец в нашей деревне. Каковы были его успехи.

Климатические условия нашего края – благоприятные для всех сельскохозяйственных культур средней полосы России.

Но в отдельных местах рельеф слабоволнистый, пониженный. Почва достаточно увлажненная, оподзоленная, дерново-подзолистая и плотная. Для обработки тяжелая. Существовавшие в то время орудия – самые примитивные. Лошаденки были слабые.

Вот какие в нашем хозяйстве, да и во всей деревне, были сельскохозяйственные орудия и транспортные средства: телеги на деревянном ходу, тяжелые, сохи деревянные, тяжелые в работе. Только два лемеха сделаны из железа. Бороны были только деревянные. Ухитрились умельцы делать так, что во всей бороне не было ни одного железного гвоздя. Другие орудия также были деревянные самодельные.

Брат мой Федя, когда с большим трудом попал позже в ремесленную школу в Красной Горе (в 25 километрах от дома), взялся за переделку некоторых орудий. В устройстве бороны он поставил дубовые, хорошо отструганные брусочки, сколотил раму гвоздями и, самое главное, вделал железные зубья. Это было уже большим техническим мероприятием по усовершенствованию сельхозорудий.

В то время, примерно в 1910 году, в нашей деревне впервые появилась в поле борона с железными зубьями. Вскоре в отдельных хозяйствах появились и первые одноконные железные плуги.

В севообороте в хозяйстве процветала трехполька: пар, озимое поле, яровое поле. Так называемая чересполосица, с межами, уродовала поверхность посевных полей.

От примитивной агротехники урожаи зерновых были очень низкие – по 50–60 пудов с десятины.

Большим врагом ржи в нашем хозяйстве был сорняк костер, вечный спутник ржи и ее конкурент. Это растение тоже из семейства злаковых. Высота его равна высоте ржи. На вершинах вырастает метелка с семенами. Семена при их размоле имеют темный цвет и неприятный горький вкус. При жатве ржи костер нельзя было отделить от ее стеблей, поэтому весь урожай зерна с полей представлял смесь ржи с костером. От количества костера в муке зависел вкус хлеба.

Небольшая примесь сорняка в муке не портила вкус, а количество в 50 процентов делало вкус хлеба горьким. Хлеб получался вязким, темного цвета и неприятного запаха.

При очистке семян ржи имеется возможность отделить и удалить костер и получить чистые зерна. Так и делают более зажиточные крестьяне. Они из чистой ржаной муки пекут

хороший вкусный хлеб. Но таких счастливиц немного в деревне. А больше таких, которые «любят» и «уважают» сорняк за то, что он прибавляет вес урожая. Иначе бедняку нечем накормить своих детей. А их, как правило, 5–7 едоков и больше.

Таким образом, вредный сорняк становится «спасителем» от голода во многих случаях деревенской жизни. В то время в поле можно было наблюдать такую картину. Более широкая полоса ржи хорошо обработана. Рожь хорошо растет, костеря во ржи меньше. Это полоса, конечно, более зажиточного крестьянина. А вот рядом полоска узкая, межа высокая, задернелая. С двух сторон межи глубокие борозды, иссушающие почву.

На такой полосе для костеря самые благоприятные условия. Сорняк бурно развивается, глушит рожь. Хозяин такой убогой полосы, конечно, бедняк, захудалый земледелец. Он получит урожай ржано-костеревый. И этим будет рад.

И вот такая картина наблюдается в итоге.

В каждой деревенской хате выпекают хлеб. Но хлебы эти имеют разное качество: у одного хозяина – чистый и вкусный, у другого – чернее, хуже на вкус, у третьего – черный, горький, совсем невкусный.

Все здесь решила примесь костеря.

О хлебе вспомнился еще один тяжелый случай.

Был неурожай, вызванный засухой. Голод охватил и наш край. Вспыхнули болезни, в том числе даже холера. Было страшно. Люди в панике, но не знают, что делать.

В радиусе 20 километров никаких врачей не было. А что-то нужно было предпринимать срочное и действенное. В отчаянии возбужденные люди ухватились за средство самолечения и самоспасения. От кого-то услышали совет, что холеру можно победить путем окуривания больных дымом горящего куриного помета.

И вот – жуткое зрелище. В жаркую июльскую пору на улице нашей деревни горят костры, окутанные желтым дымом. Подносят к костру больного и заставляют его вдыхать ядовитый дым. Окуривают человека дымом и ожидают его выздоровления. О результатах такого «лечения» можно не говорить.

Голод заставлял есть траву, листья, мох, желуди.

В эти тяжелые дни вдруг прошел слух: «Идет помощь. Из уездного города нам везут муку».

Народ заволновался, повеселел. Действительно, какое-то количество муки на уезд, на волость было доставлено для голодающих. Но опытным земледельцам не верилось, что в таких трудных условиях хлеб сможет дойти до деревни. Слишком много голодных на пути следования продукта. Сначала в уезде задержат часть груза, потом в волости оставят для начальства муку, и только какое-то небольшое количество привезут в деревню.

Так и получилось. В деревне взяли муку сначала староста и его помощники. Остаток уже разделили по домам – по одному пуду на двор вышло.

ЖИЛИЩЕ

Что представляла собой деревня начала XX века? Крестьянские избы располагаются в ряд с одной стороны проезжей дороги. Между избами оставляются промежутки для противопожарной безопасности, на которых высажены деревья. С течением времени в промежутках возводятся новые избы – для отделившихся новых семей. Так образуется сплошной ряд изб, соединяющихся крышами друг с другом. Деревня растет в длину. Потом закладывается второй ряд изб на противоположной стороне дороги. Деревня растет в длину и ширину.

Избы строили из бревен разных пород. Но преобладали осиновые и березовые. Сосна на избы у нас была недоступным, редким деревом.

Бревна допускались кривые, извилистые и грубо отесанные топором. Поэтому стена получалась неплотная. Пазы между бревнами заполнялись мхом. Конечно, холод в таких избах легко проникал в жилище в течение всей зимы.

Крыши были только соломенные.

Рядом с избой стояли надворные постройки для скота, для хозяйственных нужд, погреба. Двор представлял состав из деревянных изб, расположенных в виде четырехугольника. В середине – свободная площадка для хозяйственных работ. Крыши соломенные сомкнуты одна с другой. Зимой еще менее опасны от огня, а вот в сухое время года летом постоянно грозит пожарная опасность в деревне. В таких случаях огонь быстро охватывает крыши строений. Особенно опасно бывает в ветреную погоду. Пожар так быстро расходуется по деревне, что жильцы не успевают уносить имущество, а часто гибнут в огне и люди, и скот.

Пожар в сельской местности в то время был самым страшным и непреодолимым бедствием в жизни людей. Земледелец пребывал в вечной тревоге за свое существование, за выживание на земле. Он был совершенно бессилен против природных бедствий (засуха, пожары, голод и др.). Со стороны царской власти не принимались меры к улучшению жизни земледельцев. Введенные властью земельные налоги на крестьян усиливали их нужду и разорение.

Теперь заглянем внутрь избы крестьянина.

В первые годы XX века в деревне еще были избы с печами без дымоходов. Называли их куренками, или с отоплением «по-черному». Мне приходилось быть очевидцем такой избы у соседа. Зимой в морозный день дверь наполовину открыта, из нее валит густой дым. Внутри избы жильцы в одеждах сидят на земляном полу в согнутом виде. Над головой и до потолка сплошной дым. Там теплее, а внизу страшный холод. В печи горят дрова, в горшках варится пища.

Когда заканчивается топка печи и выходит наружу дым, дверь закрывают. Легко представить себе условия жизни в такой избе.

К концу первого десятилетия куренки стали заменять избами с дымоходами. Их называли: с отоплением «по-светлому».

Заглянем в такую улучшенную избу, в которой и мне посчастливилось прожить детство и юность до 26 лет. В такой избе выросли и все мои младшие три брата и три сестры. И с нами в одной семье росли еще сироты – трое: наш двоюродный брат и две двоюродные сестры. Словом, «жить было не скучно», если учесть, что все мы жили в одной четырехстенной избе, площадью примерно 7х7 аршин – 7х8 аршин – 7х9 аршин.

Угол избы занимала печь. Под печкой – курятник. На земле настил из досок – называется мост. Часть пола с правой стороны углублена и не покрыта досками. В этом углублении зимой бывает помещена свинья во время опороса или овца с ягнятами. Зимой обычно в избе размещались жильцы – около 10 человек, свинья с поросятами или овца с ягнятами, под печкой куры. А иногда в сильные морозы вводили в избу корову для дойки. Такую избу в настоящее время нельзя назвать человеческим жильем. Коровы, содержащиеся в современных усовершенствованных помещениях, не согласились бы проживать в тех избах, в которых мы когда-то жили немало лет.

Продолжу описание бывшей нашей избы.

С правой стороны (от входа в дверь) над углублением в полу (в мосту) на высоте от земли в 1 метр сделан настил из досок. Этот настил называли полом. Ширина пола 1,5–2 метра, длина во всю избу.

Этот пол предназначен только для спанья. Выше, под потолком, устраивался второй дощатый настил – полати, тоже для спанья.

Кроме того, всю зиму несколько человек ночевали на печке. Печка заменяла собой койки и имела свои преимущества перед ними, хотя на печке и не было пружин. Лучше пусть тверже, но теплее.

С левой стороны (при входе в дверь) вдоль стены укреплялась широкая толстая доска, называлась – лавка, для сидения и складывания одежды. Такая же лавка укреплялась вдоль другой стены, перпендикулярно клеовой лавке. В переднем красном углу дома лавки соединялись в концах и были сиденьем с двух сторон стола за обедом. В этом же углу устанавливались иконы, украшенные вышитыми рушниками.

Вешалок для одежды и шкафов не было. Одежда при входе в дом снималась и укладывалась на лавке в кучу: свитка на овчинный кожух, куртка, брюки – без всякого порядка. На полу для ночлега раскладывалась плетенка из соломы и застилалась полотном вместо матраца. Под головы клали общую длинную подушку для нескольких человек. Под подушки подкладывали те же кожухи, свитки, зипуны и все другое из одежды, что лежит под руками. Утром после сна одежда разбиралась для ношения. Пол на день оставался с подушкой и покрыт дерюгой до следующей ночи.

На таких твердых, неоструганных полах, на соломенных матах, под грубыми, жесткими покрывалами-дерюгами мы рождались, росли. И только через многие годы, увидев иную жизнь, узнали, что условия нашей бывшей жизни были совсем непривлекательные, неблагоприятные, незавидные для нормального развития человека, всякого живого существа. А все же выжили, выросли.

А немало было случаев и таких, когда женщина рожала детей в поле прямо во время жатвы серпом – самой тяжелой ручной работы. Трудится весь день, нагнувшись до земли, одной рукой захватывает горсть стеблей, другой, пониже у земли, срезает серпом, укладывает в сноп и связывает. Изнурительный труд и очень срочный. Не успеешь убрать урожай с полосы вовремя – зерно осыплется. Или нахлынет скот и уничтожит все. Семья останется голодной. А тут стихийно, не планоно припрет рожать. В момент из снопов составят шалаш. В нем и появляется «стихийный», неплановый ребенок. Такие случаи были нередки в прошлые времена. Родильных домов не знали, а детей рождалось намного больше, чем сегодня. И многие из них умирали.

В избах того времени было тесно, темно, холодно зимой и жарко летом.

В целях экономии в избушках делали маленькие окошки с одинарными рамами, без всяких вентиляционных устройств. Поэтому на подоконниках постоянно стояли лужи воды. Стены плесневели, гнивали. Изба служила хозяину недолго.

Через какое-то время требовалось опять хлопотать об устройстве новой избы. Новые заботы, новые трудные годы для земледельца.

Такие времена мне хорошо запомнились. В одной, предпоследней избе мы прожили около десяти лет, и она начала разрушаться. Приступили к заготовке леса. И вот тогда я, будучи подростком, с отцом в лесу (около деревни Грибовня) пилил еловые деревья. Выдыхался я, выбивался из сил. Часами возились около одного дерева, требовалось бревен очень много. Не один год понадобился на устройство новой избы.

Тяжелые жилищные условия в деревне не проходили бесследно. Постоянные простудные заболевания и большая смертность среди населения, особенно среди детей.

Был и со мной опасный случай в детстве.

Примерно в восьмилетнем возрасте я простудился и сильно заболел воспалением легких. Температура была очень высокая. Ни врачей, ни фельдшеров не было. Меня уложили на горячей печи и начали применять разные домашние средства. Давали пить настои трав. Опускали в бочку с горячим паром, делали горячие ванны и др., ничего не помогало. И тогда – недели через две болезни – мать решила меня везти в Мхиничи к фельдшеру. Фельдшерский пункт находился в этом белорусском селе, в 15 километрах от нашей деревни.

В административном отношении наша деревня не относилась к Мхиническому медпункту, и нас могли не принять, но фельдшер Колесников оказался очень добрый, принял хорошо. Но главное было в том, что происходило это в холодное зимнее время, в бездоро-

жье. Связь с пунктом была плохая. Дороги по лесной местности занесены снегом. Проехать было очень трудно. Слабая лошадка запряжена в сани-дровни с рамой для сена. Закутали меня шубами, уложили в сани и поехали. Мать управляла лошадей.

Жалкое было зрелище. Лошадка еле передвигается. Застранет в снегу, вырвет ноги из снега, опять остановится. Добрались до Мхинич только к вечеру. Но все-таки добрались живые. Колесников любезно принял нас, осмотрел больного, поставил банки, дал микстуры и порошков, дал хороший совет на дальнейшее лечение. Трудно было поверить, что такая трудная поездка закончится благополучно.

Дома продолжали лечение. Примерно через месяц воспаление легких прошло. Стало легче, но началось другое заболевание. Обе ноги совсем перестали двигаться. Наступил какой-то паралич ног. Продолжалась болезнь многие месяцы. Лечение применяли опять своими средствами – ванны, грелки и др.

Детские болезни, несомненно, оставили след и на дальнейшее время. В 30-е годы в Москве сильно заболел ревматизмом. Лечился в НИИ ревматологии у проф. Кончаловского. С тех пор продолжал лечение сердечно-сосудистой системы, бывал несколько раз на курортах. В этом, думаю, и последствия тяжелых жилищных условий в детстве. Таковы были жизненные условия всего населения села.

ОДЕЖДА

Такого вида одежды, какую носили мы в нашей деревне в первом десятилетии XX века, я нигде не встречал. Ни в каких книжках, ни в музеях, ни на театральных сценах, ни на выставках не видел людей в такой одежде.

Деревенский взрослый мужчина, например, выглядел так: зимой на голове валянная из белой овечьей шерсти шапка, самодельный шарф, белая шерстяная свитка с фалдами, внизу белый кожух, штаны из белого самотканого сукна, лапти на ногах, завернутые белыми портянками онучами; до колен ноги обвязаны пеньковыми веревками.

Самое характерное в одежде крестьянина было то, что она вся была сделана из самодельного материала. Верхняя – из самодельного белого сукна. Нижняя – из льняного белого полотна.

Такая одежда в смысле защиты от холода была и не хуже городской, но в ней позорным считалось появляться в городе.

Но как быть сыну небогатого крестьянина, который решил выбраться из «низкого» сословия и попасть в число служащих, учителей хотя бы начальной школы? Положение поистине заколдованное.

И вот в такое положение я и попал при поступлении в двухклассную учительскую школу в 1913 году. В начальной школе с одеждой я еще обходился благополучно. Там все одеты по-крестьянски, кроме отдельных учеников. Мне тоже понадобились только простой колушок, свитка, шапка, брюки простые и лапти. Отец сплетет из лык. К окончанию школы мне сшили верхнюю рубашку из ситца и брюки из крашенного в крушине льняного полотна.

Выдренская двухклассная школа находилась от нашей деревни в 15 километрах.

Начали меня готовить к поступлению и учебе. Вот тут-то мы и узнали впервые, каково нашему брату было пробиваться «в люди».

В белой свитке и лаптях в учительскую школу показываться неудобно, да и встретят там «мужика» неприветливо. А всю одежду из фабричного материала сразу приобрести было невозможно. Все-таки решились купить пиджак приличного качества за 3 или 4 рубля. Купили дешевого ситца на рубашку и кусок крепкого материала (чертокожи) на брюки. Околотили у сапожника сапоги из грубой дешевой кожи. Одежд в то время не было. Пришлось купить дешевое покрывало, чтобы покрыть грубый матрац, набитый соломой.

Так меня оборудовали одеждой «городского» типа, чтобы скрыть мое крестьянское происхождение.

Но за тяжелой историей с переодеванием меня в «городскую» одежду последовал прямо-таки трагический случай. Только отвезли меня на учебу в Выдренку, еще не перестали вздыхать о больших расходах мои родители, как в нашем школьном общежитии из шкафа уворовали мой новый пиджак.

Перед началом учебного года в общежитии ставили спектакль. Было много посторонних зрителей. В тот момент, когда мы уходили в другое помещение, воры и забрались. К несчастью, и пиджак мой привлек внимание.

Это горе сильно потрясло меня, выбило из колеи. А родители переживали еще сильнее. Некоторое время я ходил без теплой одежды. У меня не хватало смелости опять просить родителей о покупке пиджака. Так продолжалось около месяца.

Наконец в выходной день приезжает ко мне отец и привозит новый пиджак. Этот намного хуже первого и дешевле. Покупали его без примерки, поэтому он оказался не по моему телосложению. Был сильно мешковат. Но мною был принят с большой радостью и без всяких возражений. И носил я этот невзрачный пиджак до самого окончания учебы и до получения звания учителя начальной школы. Носил его до тех пор, пока наружу стали вылезать хлопья.

А откуда бралась одежда у населения наших деревень в то время? В основном все создавалось в домашних условиях своими руками, самыми примитивными орудиями производства. Сеяли и выращивали лен. Перерабатывали на волокно. Пряжу делали ручным способом, в лучшем случае на самопрялках. На самодельных станках (кроены) ткали полотно или сукно из грубой шерсти. Льняное полотно все лето отбеливали на открытом воздухе. Сукно валяли тоже ручным способом. А из полотна и сукна шили верхнюю и нижнюю одежду.

Особо хочу рассказать об обуви. В деревне в то время все жители носили лапти. Теперь уже редко можно встретить человека старого поколения, ходившего когда-то в лаптях. Их можно увидеть разве только в местном краеведческом музее. «Лапотная эпоха» канула в вечность. Мы называем это завоеванием революции.

Многие поколения сельских жителей по сырым, грязным дорогам ходили в лаптях. Вероятно, в статистических справочниках не найдешь таких сведений, сколько затрачивалось человеческого труда на изготовление лаптей по всей бывшей России, а также сколько человек в то время страдали ревматизмом и другими болезнями из-за хождения в лаптях.

Длинные зимние вечера в деревне женщины просиживали за прялкой, а мужчины – за плетением лаптей. Что такое лапти? Многие уже не знают. А говорить об этом виде обуви нужно хотя бы потому, что миллионы сельских жителей бывшей царской России не могли существовать без лаптей, как без хлеба.

И не было в то время человека в деревне, который не занимался бы лаптями. В семье было 7-10 человек. Простых, из липового лыка, лаптей хватало примерно на 5 дней, укрепленных пеньковой веревкой на подошве хватало на 10–12 дней и сплетенных из одной пеньковой веревки лаптей в носке хватало на 2–3 недели. Вот и посчитайте, сколько труда затрачивал земледелец в году, чтобы не ходить босиком. Поэтому немало людей и не редко ходили в деревне именно босиком.

Летом, в горячую пору полевых работ, мать рано утром будила пятилетнего ребенка и по росе босиком направляла его прогонять в стадо скотину, пасти телят, гусей и на другие работы. Зимой мальчики сидели за плетением лаптей. Были и своеобразные соревнования по подведению итогов, даже с поощрениями за высокие показатели по выработке лаптей за день.

Огорченная мать жаловалась другой женщине на своего семилетнего сына: «Не выйдет путя из моего Павлика. Он еле-еле плетет две пары лаптей за день, а Миша делает 3–4 пары задень. Молодец, Миша!»

Много дней за лето понадобится мальчикам ходить босиком. Тут, бывало, и некогда обучаться, тут и экономия лаптей. От загораения на солнце и от загрязнения за лето кожа на ногах грубеет, трескается до крови. Однако и это не давало мальчику права на отдых, на лечение. Считалось обычным явлением.

В нашей местности (в Брянской области) и других областях средней России сельские рынки и базары в обязательном порядке торговали лыками. Специальные межобластные организации заготавливали лыки из молодых липовых деревьев, вязали их в сотенные пучки и вагонами развозили их по разным областям – губерниям.

Отец, бывало, не пропускал ни одного базара. Обязательно едет на базар и ни разу не приезжает без 2-х, 3-х пучков лык для лаптей. Такое было время «лыковое», такова была необъятная Русь «лапотная».

КУЛЬТУРА И БЫТ

Советская власть в нашей стране преобразила жизнь городского и сельского населения.

В прошлом население нашего края, как и всей России, в основном было неграмотное. Грамотность среди многих сельских жителей считалась даже бесполезным, непроизводительным, ненужным делом. С малых лет детей нагружали работой в хозяйстве. Для игр и развлечений не давали ни минуты времени. Игрушек для детей совсем не покупали. Изредка можно было встретить игрушки-самоделки.

Во всей деревне не было в то время самовара.

Чай редко пили, и только из глиняного чайника или из горшка.

Книг не было, и их не читали. Газет в деревне никто не выписывал. Добывали старые газеты только на курево.

Школы тогда были земские: начальные только в более крупных селах, церковно-приходские – в некоторых деревнях. А многие деревни школ совсем не имели. В нашей местности земские начальные училища были в селах Лотаки и Николаевке. У нас, в Александровке, в Михалевке и других деревнях не было никаких школ.

Почта в то время была только в волостном центре – Лотаках. Очень редко видели проходившего почтальона.

Будучи учащимся Выдренской двухклассной школы, я однажды в летние каникулы получил открытку от друга. Это было целое событие для нас и для соседей. Вот так мы тогда жили.

Свободного времени у сельских жителей не было.

Наш народ всегда отличался трудолюбием. Жизненные условия заставляли крестьянина в поте лица трудиться круглый год. Причем все работы – вручную. Особенно тяжелы пахота сохой, косьба травы на лугах, молотьба цепями, жатва серпом на полосе в поле.

Трудно перечислить все виды нелегких работ в тогдашнем селе.

Для средней крестьянской семьи ежегодно требовалось на своем самодельном станке выработать более сотни метров ткани. Делали ткани шерстяные, льняные, посконные. Работа за станком была напряженная, утомительная для женщин.

Выше уже упоминалось об антисанитарных условиях деревенской избы.

Для предупреждения заболеваний нужно было соблюдать хотя бы самые простые санитарные правила. К ним можно отнести мойку белья. Мыла тогда в деревне не применяли, так как и в продаже мыло редко встречалось. И женщины в качестве моющих средств применяли древесную золу. Делали это по такой технологии.

В высокую кадушку без дна (жлукто) загружали грязное белье, пересыпая его золой. Потом сверху несколько раз вливали кипящую воду и укрывали для прогревания всей массы белья. Так белье держали несколько часов, потом вынимали его и несли к проруби на пруду и

там полоскали и еще колотили так называемым праником для лучшего промывания: «прали платье».

Удивительно выносливы и терпеливы на такой работе женщины! Зимой в лютый мороз они стоят у проруби на льду, а ноги в лаптях и в ледяной воде. Рядом с прорубью горит костер. Через несколько минут работница подходит к костру и греет промокшие ноги на огне. Потом опять с праником моет белье.

Вымытое и высушенное на морозе требовалось гладить, но утюгов в деревне совсем не было. Издавна в домашнем хозяйстве применялись самодельные инструменты. Для глаженья, вернее, для выпрямления или смягчения белья, применялись так называемые качалки. Деревянные палки, одна из них круглая, гладкая, другая немного выгнутая в середине с нарезанными на ней зубцами. Называли их – круглая качалка и зубчатая качалка. На круглую качалку наматывали белье и зубчатой качалкой катали этот свиток, покрепче прижимая к твердой поверхности скамейки или доски. После такой операции считалась законченной мойка белья.

На нижнем белье можно было увидеть пуговицы самодельные, сделанные из простых белых ниток.

Фабричные пуговицы были редкостью, так как покупка их требовала затраты денег. Это считалось роскошью.

Вспоминается мне пахота с сохой в поле. Была у нас рыжая лошадь – мерин. Старый, но упрямый конь. В упряжи непрерывно хлещешь его кнутом, управляешь вожжами. Сам устает не менее коня.

Запрягли рыжего в соху. А соха деревянная, очень тяжелая. А я – пахарь по природе слабосильный, маломощный. Да и по возрасту был еще недоросток. Вот около этой гигантской сохи мне и пришлось посоревноваться в силах с моим рыжим конем. Мерин потянет соху, я пытаюсь управлять ею, а соха бороздит в бок. Борозда получается кривая, мелкая. Я сильнее напрягаюсь, запускаю лемехи глубже, а рыжий тянет дальше. Наконец соха дает рывок в сторону, и я, как сноп, падаю на землю.

«Раззудись плечо, размахнись рука!» Косовица трав. Красиво воспел Кольцов в своих стихах труд косарей! Оно и действительно красиво, прекрасно, если наблюдать со стороны. И совсем другое самочувствие, когда малорослым и малосильным сам возьмешь косу в руки и начнешь ею косить.

Если косишь один, то тут еще никто не торопит, никто не поругает за порчу травы. А вот в коллективе косарей проходит взрослый человек свой ряд впереди, а ты, мальчишка, должен не отставать от него. А сзади тебя режет свой ряд третий косарь. Отстанешь – коса заднего косаря заденет за твою ногу, тогда – беда. Между двух огней, а ряд должен быть чисто скошенным, иначе – брак, потеря укуса и некрасивый вид.

А вообще поэт художественно изобразил труд земледельца на сенокосе.

Покрикуем еще одного малолетнего трудягу на молотье. Хорошо трудиться на молотье машинной, механической. Там машина тянет. А вот в то далекое время машин-молотилок в деревне еще не было. Молотили цепями вручную. Работенка тоже была и веселая, и нелегкая, и непроизводительная.

Собранные на сжатой полосе снопы сушили в гумне на овине. Потом на току раскладывали их в ровные ряды – колосьями в одну сторону, комлями в другую. Несколько человек – два, три, четыре или пять рабочих – брали в руки цепи, становились каждый на свое место на ряде снопов и начинали колотить цепями по колосьям. Если удары делать произвольно, беспорядочно, то получится хаос. Рабочие быстро устают, и молотье прекратится сама собой.

При правильной организации работы удары цепов ритмично издают звонкие звуки, и создается веселое, бодрое настроение.

Но у каждого работника с цепом должен быть запас физической силы на весь ряд, до конца. Иначе получится перерыв у всего коллектива. Словом, слабому работнику не под силу ручная молотба с цепом в руках.

Несколько свободнее время наступало зимой. Но и зимних забот и хлопот по хозяйству было очень много. Мужчины ухаживают за скотом. Перевозят корма. Заготавливают в лесу дрова и возят домой. Заготавливают лучину. Плетут лапти. Женщины работают со скотом и по хозяйству. Но главные работы зимой у женщин – изготовление пряжи и ткацкое дело, производство полотна для одежды.

В праздничные зимние вечера молодые развлекаются на посиделках.

Религиозные обряды в деревне соблюдались всеми жителями. Ходили в церковь.

Обрядам и обычаям придавалось важное значение. Аккуратно справлялись крестины, свадьбы, именины, поминки. Отмечались трудовые праздничные дни по случаю окончания важнейших сезонных полевых работ – обжинки, оббирки, обкоски, обивки и другие.

В такие дни полагалось лучшее угощение. Резали петуха, утку. Давали сладкое, иногда и выпивали бутылку водки.

А как прежде обстояло дело с пьянством?

Совсем непьющих – трезвенников – в деревне не было.

Каждый труженик охотно выпьет сотку, а то и полбутылки водки в любое время при удобном случае, если ему поднесут. Другое дело, если водку нужно купить, а потом выпивать. В каждом крупном селе были так называемые монопошки, то есть государственные лавки по продаже водки. Цена на водку была невысокая. Кроме казенных лавок, в каждой деревне был шинок по продаже водки. Содержали шинки обычно евреи-спекулянты. В таких местах цены на водку были выше.

В общем, водки было много, купить ее в любое время и в любом количестве было легко и доступно. И, несмотря на это, пьянство и алкоголизм в деревне не имели массового распространения. Даже не слыхали в то время, что пьяницу нужно лечить. Не знали таких явлений в сельской жизни. Конечно, были большие семейные праздники, свадьбы, религиозные праздники, когда много пили водки и немало было пьяных драк. Но проходил шумный праздник, наступал трудовой день – и все труженики на своих трудовых местах. Пашут, сеют, косят, молотят, как будто никакой пьянки и не было. Только у некоторых гуляк шишки на головах.

В нашей Александровке у еврея Лейбы тоже содержался шинок. По вечерам там собирались любители выпить и погулять. Вступали в состязания по выпивке, по физической силе и ловкости, кроме того, сводили счета один сильный род с другим.

Собирались с одного сильного рода все мужчины – деды, отцы, внуки против другой, враждебной, семьи. Разгоралась драка. Пускались в ход стулья, скамейки и металлические предметы. Искалеченных гуляк тащили на отдых домой. Все расходились по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.